

Дэвид Биро

Волшебное пестрое море

Моей семье: Даниэлле, Луке, Дэниэлу

Прославляю себя и себя воспеваю,

И что я приму как свое, то будет и ваше,

Ибо каждый атом тела моего принадлежит и вам.

Ронделло, Италия

11 марта 2017 года

Это случилось почти двадцать пять лет назад. Около полуночи я услышала детское бормотание. В темной тихой палате больницы «Санта-Кристина» крепко спали маленькие пациенты. Все, за исключением Луки Тавиано с шестой кровати. Мальчик что-то шептал, не сводя глаз с окна, словно беседовал с кем-то или с чем-то снаружи – может быть, с луной или с высоким дубом, чьи изогнутые ветви касались оконного стекла.

Он приходит из далекой страны, преодолевая горы и долины, моря и океаны.

В первую секунду мне захотелось прикрыть рот маленькому проказнику, чтобы он не разбудил остальных. Однако, вспомнив, чем закончилась моя недавняя попытка утихомирить его, я сдержалась и, затаившись у тележки с препаратами, прислушалась.

Орlando – великан, очень сильный и очень справедливый. У него длинная мохнатая борода, в которой он прячет драгоценные камни и золото. Он носит черную ковбойскую шляпу и ездит на большой лошади мареммано – самой быстрой в мире.

По мере того, как мальчик добавлял в свой рассказ подробности, его голос по чуть-чуть становился громче. Секундная пауза – и Лука снова заговорил. Я не могла видеть его лица, но живо представила копну непослушных рыжих волос и озорную улыбку, подчеркивающую армию веснушек, сражающихся на его носу.

Мы встречаемся после заката в Замке на окраине Фаволы. Орlando всегда интересуется, не попал ли кто-нибудь в беду. Ему нравится помогать людям.

Понимает ли этот ребенок, в какой страшной беде он сейчас и как сильно нуждается в помощи?

Врачи уверены – его может спасти только чудо. Возможно, именно об этом и шептал мальчик. Лука не просто рассказывал себе сказку. Он по-своему молился о чуде.

Вероятно, теперь, много лет спустя, я делаю то же самое, когда, вспоминая о той ночи, пишу эти строки.

Обычно весна в Италии – счастливое время: дожди смывают снег и зимние морозы, все вокруг зеленеет и распускается, а первый урожай ароматной земляники заполняет открытые рынки. В этом году все было иначе. Со стороны Сицилии на север пронеслась череда мрачных облаков, окутав страну густой пеленой.

23 мая был жестоко убит прокурор Джованни Фальконе, непримиримый борец с мафией. Бомба, заложенная на автостраде рядом с аэропортом Палермо, разворотила дорогу, по которой ехал Фальконе. В результате взрыва погибли также его жена и трое полицейских. Об этом кричали во всех новостях, писали в газетах. Об этом говорили везде, даже в Фаволе, захолустном городке, центр которого состоит из ратуши шестнадцатого века, маленькой барочной церкви, табачной лавки и бара-ресторана. Даже в этом крошечном городке на холмах Пьемонта, с населением менее трехсот человек, все говорили о позоре правительства, которое лишь беспомощно стояло в стороне, пока криминальная банда сицилийских головорезов сеяла вокруг хаос.

Все, кроме девятилетнего Луки Тавиано. Он был слишком поглощен своим собственным несчастьем. Марио Северезе заразил насморком и резким сухим кашлем почти весь третий класс. И если обычно простуда длилась несколько дней, в этот раз организм Луки не мог справиться с болезнью довольно долго. Его бабушка заволновалась.

– Я в порядке, *Nonna*, – попытался он ее успокоить. Но она все равно позвонила доктору Руджеро. Этого Лука боялся больше всего. Доктор Руджеро, девяностолетний старик, был единственным врачом в городе. Если не возникало срочной или чрезвычайной ситуации, все по-прежнему стучали в его дверь. *Nonna* считала его возраст доказательством компетентности врача – он явно знал, как прожить столько лет и оставаться здоровым. Лука не соглашался с этим утверждением. Он не проводил глубокой аналитической работы, а принимал внимание преимущественно только разлохмаченную шевелюру и пятнистую кожу доктора. Дом Руджеро тоже внушал страх. В нем всегда было темно, независимо от времени суток, повсюду висела паутина, и он просто кишел кошками. Они сидели везде – на стойках, на мебели. Франко Морелли утверждал, что в последний раз видел там дикого кабана. Марио Северезе клялся, что в доме водятся летучие мыши, возможно даже вампиры.

Поэтому, пока вся Италия оплакивала потерю своего мужественного прокурора, Лука пытался придумать, как бы избежать поездки к доктору Руджеро в дом с привидениями. План созрел в школе, после напряженной дискуссии с Франко и Марио во время перемены.

Следующим утром, когда бабушка вошла в комнату, Лука притворился спящим. Краем глаза он видел, как *Nonna* потирает руки, слышал ее тихое дыхание. Когда она положила ладонь на его лоб, Лука замер в ожидании. Обычно он молился о температуре, означавшей освобождение от школы. Но не сегодня. Сегодня ему хотелось бы, чтобы его тело было настолько холодным, насколько это возможно. Накануне вечером, когда все уснули, он прокрался вниз и спрятал пару носков на дне морозилки. На рассвете, едва услышав доносящиеся из ванной шаги бабушки, вынул носки, которые к тому времени уже замерзли. Лука держал их на лбу, пока кожу не защипало так, что стало невозможно терпеть. Потом сунул их под подушку.

Каким бы горячим ни было его тело, лоб теперь стал ледяным. Лука чувствовал его под бабушкиной ладонью и был так уверен в победе, что уже предвкушал, как поделится хорошей новостью с друзьями. Но в то утро бабушка сделала нечто неожиданное. Ее рука скользнула вниз по щеке внука, потом по шее и наконец, юркнув под одеяло, добралась до левой стороны груди. Сердце мальчика колотилось так, что он боялся, как бы оно не выпрыгнуло сквозь кожу и не взорвалось в ее ладони.

- Жар! - таков был вердикт.

- Нет, *Nonna!* - Лука резко выпрямился. - Это невозможно!

Она покосилась на него.

- Я думала, ты спишь.

Лука пожал плечами, жалея, что не послушал Марио, когда тот предложил не просто сунуть носки в холодильник, а залезть туда целиком. Сделай он это, не оказался бы в такой ситуации.

- Одевайся. После завтрака мы отправляемся к доктору Руджеро.

Когда солнце встало из-за горизонта и осветило соседний Ронделло, оказалось, что Лука Тавиано не единственный, у кого случился плохой день. Это был большой город с населением около десяти тысяч человек, с государственным футбольным стадионом, небольшим музеем, в котором хранились экспонаты, связанные с древней римской историей, и больницей, обслуживавшей большую часть провинции. В то же утро в своей квартире в доме на узкой улочке, взлетающей по крутому склону к центральной площади, Нина Вочелли проснулась с острой головной болью. Накануне вечером, получив отвратительное письмо от Маттео Креспи, она выпила две бутылки вина. У этого ублюдка даже не хватило духу сказать ей все лично.

Тон послания был таким официальным, словно его писал адвокат. Маттео с сожалением сообщал, что их отношения больше не могут продолжаться, поскольку его дочь обо всем узнала и рассказала своей лучшей подруге, дочери главного врача «Санта-Кристины». Как только новость дошла до шефа, тот дал понять, что ничего подобного не потерпит, и пригрозил уволить его или даже обоих, если они немедленно не прекратят встречаться. Поэтому теперь ради благополучия своего единственного ребенка и собственной карьеры Маттео должен на время помириться с женой. Он ужасно раскаивается и надеется, что Нина поймет.

Поймет?

Последние десять лет – *десять лет!* – Маттео говорил, что его брак развалился, что его жена давно завела себе любовника. И как только его дочь уедет в университет, он разведется и сможет жить вместе со своей Нинеттой. Он твердил это снова и снова.

Оказалось, то была ложь. Все это время он врал!

Как можно быть такой глупой?! Подруга Карла неоднократно предупреждала ее, что неразумно доверять онкологу, имеющему репутацию бабника. Но Нина ничего не могла с собой поделать. Он притягивал ее своим внушительным ростом, серебристыми прядями в волосах, быстрой уверенной походкой, лимонным запахом лосьона после бритья. Конечно, дело было не только во внешности, но и в том, как он общался с пациентами и их семьями. Маттео наблюдал самые тяжелые случаи – людей с неизлечимыми онкологическими заболеваниями. Тем не менее ему всегда удавалось найти нужные добрые слова, подбодрить и успокоить. Она никогда не забудет, как доктор подолгу сидел с синьором Бонинно, владельцем гастронома, где готовили лучшие аранчини в городе. Крупный краснощекий мужчина, неизменно лучившийся жизнерадостностью, был просто разбит, когда узнал что у него прогрессирующий рак печени. Он был настолько подавлен и напуган, что отказался от любого лечения, настаивая на том, чтобы его оставили в покое и позволили умереть. Каким-то образом Маттео удалось образумить его и вселить надежду. В итоге Бонинно прожил еще пять лет, достаточно для того, чтобы увидеть, как его сын-подросток управляет в магазине, и научить того секретному рецепту рисовых шариков.

Да, Маттео был прекрасным и чутким врачом. Но, пожалуй, больше всего Нину поражало то, что он мог смотреть прямо на ее лицо, на ее ужасное лицо, и говорить ей, как она прекрасна.

Она не знала, смеяться ей, плакать или кричать, и лихорадочно искала в аптечке аспирин. Увидев свое отражение в зеркале, Нина внутренне съежилась. На нее смотрели глаза тридцатидевятилетней женщины, налитые кровью, под которыми начинали проступать темные круги. Родимое пятно, во всю правую сторону ее лица, тлело, как угли догорающего костра. В детстве оно было ярко-красным, но с годами цвет потемнел и стал насыщенно-фиолетовым. Большой баклажан закрывал половину ее лица. *Melanzana* – так называли ее одноклассники в школе. Прекрасна?! Кто в здравом уме мог бы подумать такое?

Единственное, что в ней с натяжкой можно было считать красивым, – это ее тело. С тех пор, как она закончила восьмой класс, все, от шеи и ниже, выглядело довольно хорошо, словно компенсируя порок на лице.

И Нина начинала понимать, что Маттео Креспи, возможно, и не отводил от нее взгляда, но единственное, что он видел, это место, куда можно было засунуть свой член. Она снова рассмеялась, на этот раз со слезами на глазах, вспоминая день, когда взбешенный отец кричал и швырялся посудой на кухне. Нина пыталась объяснить ему, что она не виновата в случившемся; ей едва исполнилось шестнадцать, когда в средней школе учитель истории воспользовался ею.

- Путана! – орал отец, сильно дергая ее за руку, когда в шкафу больше не осталось посуды. – Никого, кроме шлюхи, из нее не получится! – заявил он жене.

- Родители Нины стыдились своей дочери еще до инцидента с учителем, еще с того момента, когда она появилась на свет со своей уродливой красной меткой.

- *Il segno del diavolo*, – прошептала мать священнику после воскресной мессы.

Они были простыми, необразованными людьми – ее отец работал в доках и выполнял поручения одного из местных боссов мафии; мать убиралась в домах и каждый день молилась Пресвятой Деве. Они считали, что метка это знак греха дочери и их собственного, и не могли простить ее.

В одиночестве Нина посетила подпольную клинику в подвале заброшенного здания на Виа Кавур, куда женщины приходили расплачиваться за свои проступки. До смерти напуганная, она едва могла говорить, но все-таки доверилась медсестре – молодой умной и деликатной девушке из обеспеченной семьи, которую история Нины потрясла. Она и уговорила Нину уехать из Неаполя на север, где жили более продвинутые итальянцы, которые не ломали руки своим детям, совершившим ошибку. Она же предложила подумать о карьере медсестры, помогающей людям, попавшим в трудную ситуацию. Девушка рассказала, что в окрестностях Турина есть небольшая школа, готовящая медсестер, дала Нине контактную информацию и взяла с нее обещание позвонить. Через два дня после окончания средней школы Нина ушла из дома с рюкзаком и браслетом-талисманом, надеясь найти тех самых продвинутых итальянцев, которые примут ее такой, какая она есть. Когда она приехала, учителя, проникшиеся к ней симпатией, помогли устроиться. Нина оказалась прирожденной медсестрой. Она буквально инстинктивно понимала язык уязвимых.

Закончив учебу, Нина поступила на работу в больницу «Санта-Кристина» в Ронделло. Проработав здесь более пятнадцати лет, стала старшей медсестрой, с перспективой повышения до должности главной. И все же, как и предсказывал в то утро на кухне ее отец, она таки оказалась шлюхой – любовницей Маттео Креспи.

- Путана! – крикнула она своему отражению в зеркале.

Доктор Руджеро жил на северной окраине Фаволы, в нескольких метрах от главной дороги, пересекавшей город. Его двухэтажный дом, как и у всех, был покрыт красной черепицей, но на этом сходство заканчивалось. Он выглядел так, словно здесь уже много лет никто не жил. Жжено-оранжевая краска выцвела и облупилась, окна потрескались, водосточные желоба свисали под странными углами, из каждой щели торчали сорняки и полевые цветы. Дом казался настолько хлипким, что создавалось ощущение, что сильный ветер может опрокинуть его в любой момент.

Когда доктор не ответил на звонок, Лука потянул бабушку за пальто, умоляя уйти. Однако после третьего звонка дверь открылась. На пороге стоял Руджеро, худой и хрупкий, скособоченный, как и его жилище, с морщинистым покрытым пятнами лицом. При этом он был одет так, словно собирался в оперу: белая рубашка с воротничком, красный свитер с V-образным вырезом и твидовый пиджак. Коричневые замшевые туфли в тон к пиджаку.

- О, что же тут у нас? - улыбнулся он, принимая фруктовый пирог, который испекла для него Летиция Тавиано. Так многие горожане платили своему врачу - корзиной свежих фруктов из сада или блюдом собственного приготовления. - Как раз к завтраку. Проходите.

Они последовали за доктором, когда он, шаркая по полу, направился на кухню. *Nonna* практически тащила Луку по узкому коридору - темному, сырому и жуткому, каким мальчик и помнил его.

- Значит, - спросил доктор, не оборачиваясь, - мальчик все еще болен?

- Нет, - огрызнулся Лука. - С мальчиком все отлично!

- Лука! - ахнула *Nonna*.

- Все в порядке, синьора. Дерзость - хороший знак. Пожалуйста, садитесь, - указал он на маленький деревенский стол на кухне. - Я как раз пил утренний кофе, и мне очень хотелось чего-нибудь сладкого.

Руджеро достал из кармана брюк маленький перочинный ножик и, невзирая на дрожь в руке, принялся разрезать пирог точными движениями хирурга. Он предложил посетителям по кусочку, но Летиция настаивала, что они уже позавтракали. Они терпеливо ждали, пока он потягивал кофе и ел один кусок пирога за другим.

- Ну и как Джованни? - спросил доктор. Крошки падали с его губ и цеплялись за ворсинки свитера.

- Хорошо, - неуверенно ответила *Nonna*.

Глаза Руджеро сузились.

- Лучше убедить его, чтобы он пришел. Ему необходимо пройти обследование.

Nonna кивнула. Как бы она ни беспокоилась о муже, ей не верилось, что доктор может помочь. В свои семьдесят семь лет Джованни был силен как бык и работал на ферме от рассвета до заката, по будням и выходным. Его проблемы были больше связаны с головой, чем с телом. Он был очень строг к себе, когда что-то шло не так в семье или на ферме, да и в любой ситуации. Ему бы только научиться больше расслабляться, видеть в жизни и хорошие моменты.

- Это было восхитительно! - сказал Руджеро, вытирая рот и освобождая место на кухонном столе. - Пора заняться делом. Поднимайся сюда, мальчик.

Ожидая, что в любой момент из-за угла может выскочить дикий кабан, Лука

покачал головой и вцепился в бабушкину руку. Летицию тоже удивила странная просьба доктора.

- В моем кабинете нет света, - объяснил Руджеро. - Так что не заставляй меня ждать, мальчик, прыгай прямо на стол.

- Лука, - с вызовом сказал ребенок. - Меня зовут Лука.

- Ну конечно. Как можно забыть Луку Тавиано и его прекрасные рыжие кудри? - с улыбкой ответил доктор. - В нашей стране не так уж много мальчиков с такими волосами. Верно, синьора?

Это была правда, и Летиция гордилась шевелюрой внука, как когда-то гордилась цветом волос Паоло - его отца, их приемного сына. В самый разгар войны Джованни отправился в Геную, чтобы усыновить ребенка из приюта сестер Святейшего Сердца. Он сказал жене, что монахини ничего не знают о происхождении малыша, однако ее это ничуть не волновало. Главное, что Пресвятая Дева ответила на ее молитвы и дала ей дитя, о котором Летиция всегда мечтала, но сама родить не могла.

- Давай, Лука, раздевайся и начнем осмотр.

После недолгих уговоров мальчик неохотно подчинился. Когда Руджеро поднялся и подошел ближе, его стариковский запах стал невыносимым. У него осталось всего несколько зубов цвета гнилых бананов. Пока Лука, закрыв глаза, пытался задержать дыхание, Руджеро осматривал ноги и руки пациента, ощупывал лимфатические узлы, заглядывал в рот и уши, а под конец послушал легкие. Затем доктор отступил назад, несколько раз потер подбородок большим пальцем и вынес свой вердикт.

- «Санта-Кристина».

- «Санта-Кристина»? - слабо повторила Летиция. Одно упоминание об этом месте заставило ее содрогнуться. Ей сразу вспомнилась ужасная ночь, худшая в ее жизни, та, которую последние десять лет она изо всех сил старалась стереть из памяти.

- Похоже, это острый бронхит.

В то время как бабушка с ужасом думала о посещении больницы в Ронделло, Лука ощущал себя абсолютно счастливым. Ведь осмотр закончился и он скоро вырвется из лап отвратительного старика и его диких животных.

- Вам не о чем беспокоиться, синьора. Мальчик получит антибиотики, и ему сделают несколько анализов крови.

- Анализы крови?

- Просто чтобы убедиться, синьора, просто чтобы убедиться, - успокаивал Летицию Руджеро, с интересом наблюдая, как его явно довольный пациент с большим желанием спрыгивает с кухонного стола.

Через минуту Лука уже носился по улице, весло подскакивая в ожидании, когда *Nonna* выйдет от доктора. Был прекрасный весенний день, ему удалось ускользнуть из этого ужасного дома, от этого ужасного человека. На самом деле мальчик был так взволнован, что не сразу спросил бабушку о «Санта-Кристине».

- Это место, куда люди приходят, когда им плохо, - объяснила *Nonna*, глядя в сторону.

- О, - выразил свое удивление Лука, глотая как можно больше свежего воздуха. - Но это же не такой дом, как у доктора Руджеро, правда, *Nonna*?

- Правда, малыш.

- Вот и хорошо.
- Там будут и другие дети. И большие комнаты с красивыми чистыми кроватями.
- Кроватями?
- Иногда людям приходится оставаться там какое-то время.
- Ты хочешь сказать, что это похоже на больницу? - разочарованно произнес Лука, все еще не до конца понимая ситуацию.
- «Санта-Кристина» - это больница, Лука.

Радость испарилась мгновенно. Глаза Луки расширились от испуга. «Санта-Кристина» оказалась больницей в Ронделло, куда отвезли Марио, когда тот сломал ногу. Туда же отправилась и его сестра Франко, когда у нее была инфекция в мозгу. «Санта-Кристина» была плохим местом. Просто ужасным местом! Гораздо хуже, чем дом доктора Руджеро. По словам Марио, сестра провела там целую неделю, не сомкнув глаз, потому что все плакали ночи напролет.

- Я не хочу туда, *Nonna*.

Они миновали центральную площадь, где, как и каждое утро по вторникам и четвергам, стояли в ряд тележки и столики, заполненные фруктами и овощами, мясом и сыром из Фаволы и окрестных городов.

- Смотри, Лука, *fragoline di bosco* в самом разгаре. Твоя любимая. Почему бы нам не купить немного?

- Ненавижу землянику! - крикнул мальчик.

- Не расстраивайся, - уговаривала *Nonna*, прижимая его к себе. - Все будет не так плохо, обещаю, и я останусь там с тобой.

Лука ей не поверил. Образы кричащих, плачущих детей заполнили его сознание. Скоро он станет одним из них. Он бросился на булыжную мостовую, закрыл лицо руками и отказался двигаться с места.

- Ты в порядке? - Нина услышала в трубке голос Карлы.

Нет, она не в порядке. Она была далеко не в порядке.

- Я забеспокоилась, когда ты не пришла на кофе, - продолжала подруга.

Каждое утро перед работой, ровно в семь часов они встречались в кафе напротив квартиры Карлы. Увидев их, бариста по имени Лоренцо сразу же начинал готовить капучино для Карлы и эспрессо для Нины. Корнетто с шоколадной глазурью и бисквит они делили на двоих. Но сегодня утром Нина не появилась.

- Не могу поверить, как глупо...

- Это не твоя вина. Парням вроде Креспи наплевать на всех, кроме самих себя. Ты справишься! А сейчас поторопись: уже девятый час, и Джулия ищет тебя. Ты не можешь еще и работу потерять. К нам только что поступил ребенок с температурой, который закатил жуткую истерику. Она решила, что ты единственная сможешь с ним справиться.

- Хорошо, я скоро буду, - ответила Нина, вешая трубку.

Она и не подозревала, что уже так поздно, и это еще больше ее расстроило. Нина гордилась тем, что всегда приходит на работу вовремя. Даже когда не чувствовала себя на все сто процентов, она натягивала бодрое лицо и четко, без нытья выполняла все свои обязанности. Но этим утром продолжала медлить, чистила зубы до тех пор, пока десны не начали кровоточить, потом испортила макияж. Мозг сверлила мысль о том, что ее в таком состоянии увидят коллеги - люди, которые знают о ней и Маттео, которым наверняка скоро станет известно об их разрыве. Она превратится в посмешище.

К тому времени, когда Нина села в автобус на Пьяцца Гольдони и оказалась зажатай между толстым билетным контролером и группой шумных студентов, ее страх и стыд уступили место растущему гневу.

«Санта-Кристина» находилась в двух кварталах от железнодорожного вокзала. Уродливая в своей современности кирпичная больница высотой в четыре этажа стояла рядом с барочной церковью семнадцатого века, в которой вроде бы хранилась важная реликвия, кусок дерева от креста Христова. Пациенты и их семьи ходили сюда молиться в тяжелые для них времена. Войдя в двери больницы, Нина решила направиться прямо в комнату отдыха врачей и встретиться с ним лицом к лицу. *Этот ублюдок хочет помириться со своей женой. Ха!* Может быть, по дороге захватить скальпель и перерезать ему горло? Он это заслужил!

Но у лифта ее перехватила Карла.

- Слава богу, я нашла тебя, - заговорила она. - Ребенок, о котором я тебе рассказывала, просто взял и укусил санитару. Ты нужна им прямо сейчас. Он устроил такую сцену в приемном покое, что его сразу отправили в палату. Мы поднимаемся по лестнице.

Нина чувствовала, что ее голова вот-вот взорвется от похмелья, от мыслей о письме и о том, что Маттео ускользнет со своими трусливыми извинениями, как вор в ночи. Она с трудом соображала. Ах, если бы только было время для глотка кофе!

Карла и слышать об этом не хотела и практически летела вперед, пока они не добрались до педиатрического отделения. Кровать номер шесть стояла в дальнем углу палаты, занавески вокруг нее были задернуты. Рядом на стуле сидел мальчик с рыжими вьющимися волосами, тряс головой и вызывающе смотрел на санитару. Пожилая женщина, опустившись перед ним на колени, умоляла:

- Они просто пытаются помочь тебе, любовь моя. Ты не должен двигаться. *Nonna* здесь, рядом с тобой. Пожалуйста, Лука!

Несмотря на пульсирующую в голове боль, Нина сразу оценила ситуацию. К некоторым детям можно достучаться только через маленькое окошко, позволяющее провести простую процедуру вроде взятия крови или установки капельницы. Если не действовать быстро, оно закрывается, и независимо от того, сколько вы потом объясняете или уговариваете, беспокойство ребенка только усиливается, и вскоре задача становится вовсе невыполнимой. Лучший вариант в такой момент - отступить и вернуться позже.

Нина повернулась, чтобы уйти, охваченная неконтролируемой волной гнева. Особенно раздражала старушка в цветастом платье, с мягким, рыхлым лицом и плаксивым голосом, убеждающая мальчика протянуть руку, а в следующую минуту вставшая между ним и санитаром, мешая тому приблизиться к Луке.

- Не уходите, - сказала она, умоляюще глядя на Нину.

Эта нерешительность привела Нину в бешенство окончательно, и по причинам, которых она тогда не понимала и, вероятно, не поймет никогда, Нина восприняла мольбы женщины как вызов.

- Отлично, - сказала она. - Отойдите, синьора.

Когда старуха не двинулась с места, Нина оттолкнула ее.

- Давай, малыш, - произнесла она и буквально схватила мальчика за запястье. - У меня нет времени.

- Нина, - выдохнула Карла, - что ты...

- Я беру кровь у этого пациента, разве вы не этого хотели? - огрызнулась Нина.

В висках стучало, правая сторона лица приобрела темно-бордовый оттенок. Ярость захлестнула ее изнутри, готовая обрушиться на любого, кто встанет у нее на пути: на плаксивую старушку, на упрямого мальчишку, на Маттео Креспи - особенно на Маттео Креспи! - на весь мир.

- Мы сделаем это сейчас, понимаешь? Хочешь ты этого или нет, - выдала Нина ледяным тоном. Лука истошно прокричал «Нет!» и попытался высвободить руку. Когда он понял, что Нина не собирается ее отпускать, он плюнул ей в лицо.

- Сопляк, - прошипела Нина. - Карла, иди сюда. Возьми его за руки - сядь на него, если придется. А ты, - обратилась она к санитару, который выглядел так, словно собирался бежать в горы, - хватай его за ноги.

Лука извивался и кричал, потом оскалил зубы и попытался кинуться на медсестру, но Нина вовремя сунула ему в рот кусок марли.

- Ты больше никого не укусишь в мое дежурство, малыш, - усмехнулась она. - Держите его крепче.

И когда ребенок успокоился, она перетянула ему предплечье, резко шлепнула по вене на сгибе руки и вонзила иглу в кожу так, будто хотела наказать его. Наполнив кровью одну пробирку, потянулась за другой, закончила процедуру и спокойно сняла резиновый жгут.

- Готово, - проговорила Нина, хмуро глядя на мальчика. - И заметь, ты все еще дышишь.

Все присутствующие словно застыли в молчании, увидев, как безжалостно Нина подавила сопротивление Луки. Дрожа, он бросился к бабушке и разрыдался. Старая леди обняла мальчика. Она была в таком же смятении, казалось, что сама вот-вот расплачется.

Стоя среди беспорядочно разбросанных вокруг перчаток и бинтов, глядя на потрясенное выражение лица у Карлы и санитаря, Нина осознала, что произошло. В палате вдруг стало душно. Не говоря ни слова, она отдернула занавеску, затем выбежала в коридор, спустилась по лестнице и выскочила через парадные двери «Санта-Кристины».

Ее руки дрожали, когда она доставала сигарету из пачки, лежавшей в переднем кармане. Боже, что же она натворила! Она работала медсестрой почти двадцать лет, отличалась состраданием и терпением, оставалась спокойной даже в те мгновения, когда всем казалось, что рухнут небеса. И вот всего несколько минут назад они рухнули. Она вела себя совершенно непозволительно, жестоко, совсем как ее отец в тот ужасный день на кухне. Раздвинув занавеску у шестой кровати, она увидела не испуганного ребенка, которого необходимо успокоить, а дикого зверя, которого нужно укротить. Непостижимым образом она сама превратилась в дикое животное, изливая на мальчика свое разочарование и ярость. Она так глубоко затянулась сигаретой, что ей обожгло горло. «*Как тебе не стыдно!*» – сказала она себе. Как после случившегося смотреть в глаза своим коллегам? Как смотреть в глаза мальчику и его бабушке? Она прикрыла веки и покачала головой, сожалея, что не может ничего вернуть назад и изменить.

Джованни Тавиано всегда был тихоней. В детстве он слегка шепелявил и научился читать последним в классе. Он познакомился с Летицией Моратти в старших классах. Не обращая внимания на его застенчивость, Летиция болтала и шутила без умолку. Возможно, они и ладили так хорошо именно потому, что уравнивали друг друга.

Когда Луку положили в «Санта-Крестину», Джованни еще больше замкнулся. Он не мог спать, мало ел и стал пренебрегать своими обязанностями на ферме. Единственным, что у него работало нормально или даже слишком активно, оставался его мозг, постоянно воспроизводящий события прошлого и настоящего, пока у него не начинала кружиться голова и не спазмировалось желудок. А единственным, что его отвлекало, были прогулки, поэтому он много ходил пешком. Утром – вдоль одной стороны пшеничного поля, обратно вдоль другой, потом вокруг загона для скота. Он бродил по ночам из одного конца города в другой, минуя главную площадь, церковь с кладбищем, где был похоронен Паоло, минуя покосившийся дом Руджеро и осыпающуюся древнюю каменную стену, которую Лука и его друзья называли *Замком*. Он ни с кем не разговаривал, и никто не заговаривал с ним.

После очередной прогулки Джованни вернулся домой незадолго до восьми утра и стал ждать звонка Летиции из больницы. Сидел в пустой кухне, пытаясь остановить поток мыслей. Наконец зазвонил телефон.

- Пока никаких новостей, - сообщила его жена. - Но, Джованни, приезжай. Лука хочет тебя видеть.

Отправиться туда было совершенно невозможно, особенно после вчерашнего. К счастью, он пропустил первый день Луки в «Санта-Крестине». Летиция же рассказала о нем лишь в самых общих чертах, опасаясь его реакции на инцидент с медсестрой. Однако Джованни появился на второй день и с ужасом наблюдал, как доктор достал большую иглу и воткнул ее прямо в позвоночник Луки. А Джованни мог лишь беспомощно стоять рядом, слушая, как кричит его внук, пока доктор заполняет пузырек спинномозговой жидкостью. Джованни казалось, что игла вонзается в его спину, и он хотел, чтобы это было именно так. Нет, сегодня он туда не поедет.

«Прости», - хотел сказать он Летиции, но из его горла вырвался лишь хрип.

Кроме того, он уже знал, что произойдет. Результаты анализов будут плохими.

Он знал это так же точно, как и десять лет назад, когда стоял на этой самой кухне с вымытыми деревянными столешницами и белыми кафельными полами, с разноцветными кастрюлями и сковородками на крючках над раковиной, с изображением Девы Марии над столом. На этой самой кухне, в которую они заходили каждый день уже полвека, десять лет назад он стоял, сжимая в руке тот же телефон, по которому тогда сообщали новости. Будут сообщать их и сегодня, и они снова могут принести в их дом беду.

Той ночью десять лет назад он понял все еще до того, как доктор из отделения неотложной помощи успел произнести хоть слово. Что-то случилось с их сыном Паоло и его женой на пути в Милан. Что-то плохое. Джованни и Летиция легли спать через несколько часов после того, как Паоло и его жена, приехавшие в гости со своим новорожденным сыном Лукой, отправились назад. Он был их первым внуком, и чтобы отпраздновать это событие, Летиция приготовила любимое блюдо Паоло – оссо буко. Супруги жили в квартире неподалеку от Миланского университета, где Паоло преподавал экономику. Они казались счастливыми и полными надежд, связанных с рождением ребенка.

Ноги Джованни подкосились, и он рухнул на один из стульев у кухонного стола. Телефон, по-прежнему прижатый к уху, хотя связь давно оборвалась, выскользнул

из его руки и с глухим стуком упал на пол. Он даже не потрудился поднять его.

Нет, правда была в том, что он знал еще задолго до звонка десять лет назад. Он знал, что беда неминуемо обрушится на их семью. Еще во время войны, в сорок третьем году, в одну из ночей конца декабря, жутко холодную даже для этого времени года, из леса появился человек в изодранном пальто и с узлом в руках. Он говорил на языке, которого Джованни не понимал, возможно, на немецком или польском. И все же Джованни догадался, о чем его просят, когда принял сверток и сложенный листок бумаги, который мужчина сунул ему в руку, прежде чем броситься обратно в лес. Вскоре раздались выстрелы, эхом отозвавшиеся в морозном воздухе – хлоп, хлоп, хлоп. Джованни поспешил прочь, надвинув шляпу на уши, чтобы заглушить звуки. Он уже тогда смутно сознавал, что когда-нибудь каждая капля надежды и радости, исходящая от спеленутого младенца, которого он держал в руках, будет уничтожена.

Пока образы зигзагами проносились у него в голове, Джованни разглядывал темное пятно, проступившее на брюках на левом бедре. На ощупь оно было теплым и влажным. Он давил на него до тех пор, пока острая боль не пронзила его ногу и не ударила в пах. Это заставило его улыбнуться. Он никогда не был таким религиозным, как Летиция с ее изображениями Девы Марии и распятиями по всему дому. И все же нельзя было не заметить сходства: Иисус на кресте с кровоточащими ранами, искупающий грехи мира.

Семена были посеяны в ту холодную зимнюю ночь в лесу, а может быть, и несколько поколений назад. Он знал о них, когда строил свою жизнь с Летицией; когда они воспитывали своего сына, которого назвали Паоло в честь отца Джованни; когда они расширяли ферму и процветали. У Тавиано было одно из самых крупных и успешных хозяйств в округе: кукуруза, пшеница, домашний скот. Люди уважали их. Но Джованни было наплевать на мнение других; главное – обеспечить семью и оставить Паоло то, чем сын сможет гордиться.

Питаемые плодородной почвой Фаволы, плохие семена пустили корни и проросли рядом с хорошими. Мимолетные образы – теплый сверток и человек в изодранном пальто, записка, выскользнувшая из рук и пропавшая в снегу, звуки выстрелов – хлоп, хлоп, хлоп! – терзали его, заставляя и его *терзать*. Все началось с боли в верхней части бедра, терпеть которую было трудно, но необходимо. Он сообразил – если он будет продолжать ковырять струп и отрывать только что образовавшуюся розовую кожицу, то рана не заживет. И она росла, постепенно распространяясь по поверхности. Он раздирал края, пока она не начинала кровоточить. Он ощупывал центр, добирался до нерва, так, что из глаз летели искры. Это был его стигмат.

Здесь, на кухне, под пристальным взглядом Богородицы, он наблюдал, как на его штанине расплзлось темно-красное пятно. Кровь просачивалась сквозь ткань и капала на белый кафельный пол.

После смерти Паоло рана стала навязчивой идеей. Теперь сомнений не оставалось – он был проклят. Его сын всегда был хорошим, осторожным водителем. Невозможно, чтобы авария произошла по его вине, несмотря на заявление водителя грузовика, будто бы Паоло был пьян и поэтому вылетел на встречную полосу. О нет, то была работа мстительной силы. Джованни расплачивался за свои грехи.

Рана стала для него чем-то вроде друга, с которым можно поговорить, которому можно довериться. Временами он беспокоился о ней и заботливо ухаживал, как за пшеницей на своем поле. Порой спорил с ней и злился. Он выдергивал струпья, колот рвану, но однажды задел артерию и кровотечение не получалось остановить. Летиция потащила его к старому Руджеро, где доктор методом проб и ошибок сумел-таки залатать поврежденный сосуд. Летиция знала, что ее муж постоянно ощущал беспокойство и неизменно винил себя. И если дожди заливали его поля, и если зима длилась дольше, чем ожидалось, и если семья Паоло отправилась в Милан после обеда с большим количеством вина. Летиция не могла даже представить, чтобы он намеренно причинит себе вред. Она поверила ему, когда он

сказал, что все произошло случайно, что, работая в поле, он задел ногу косой. Жена ничего не знала о его новом друге. Это был секрет, который Джованни твердо решил утаить.

Доктора Руджеро было не так-то легко одурачить.

- У мальчика чудесная рыжая шевелюра, - шепнул ему Руджеро, когда пятьдесят лет назад они принесли к нему Паоло еще младенцем. - Из монастыря в Генуе, да? Не представляю, чтобы там было много похожих на него малышей.

Джованни пожал тогда плечами, впоследствии всегда реагируя так на подобные вопросы и намеки. Когда Руджеро остановил кровотечение, он спросил своего пациента:

- Когда ты в последний раз был на исповеди, Джованни? Сходи, пока не покончил с собой в один из подобных дней.

Со временем, питая свое клеймо, Джованни научился обходить крупные сосуды. Хоть медленно и мучительно, но тьма все же рассеивалась. Да, им пришлось похоронить Паоло на кладбище Сан-Стефано, но у них еще оставался внук, о котором нужно было заботиться. Лука был точной копией своего отца, рыжеволосый и веснушчатый. Он был таким же умненьким, говорить и читать начал раньше большинства мальчишек своего возраста, сочинял истории со сложными поворотами сюжета.

Дед пришел в восторг, когда Лука стал проявлять интерес к ферме и заявил, что хочет стать *buttero* - ковбоем. Джованни осмеливался думать, что, возможно, худшее уже позади, что проклятие снято и ему дают еще один шанс. Он говорил внуку, что тот будет его правой рукой. И собирался подарить ему лошадь на десятый день рождения.

Мужчина рассмеялся над собственной глупостью. Теперь он знал, что второго шанса не случится. Проклятие никогда не будет снято, просто он и вся его семья когда-то будут уничтожены. Джованни схватил нож, который всегда держал в кармане, и стал разрезать штанину вокруг красного теплого пятна, обнажил рану, затем атаковал ее, царапая и ковыряя, пока кровь не пошла сильнее и жгучая боль не пронзила его тело. Сегодня, подобно врачу в больнице, воткнувшему иглу в позвоночник Луки, он не проявит милосердия.

«Санта-Кристина» оказалась еще хуже, чем представлял себе Лука. Палата, заставленная кроватями с больными детьми всех возрастов, была размером со школьный спортзал. Воняло аммиаком и другими противными химикатами. Медсестры и санитары обращались с ним строже, чем учителя. Еда была отвратительной, особенно суп-минестроне, который на вкус напоминал тину. Его голова была занята поисками способов побега. Если бы только ему удалось связаться со своими друзьями, они помогли бы ему найти выход. А если у них все же не получится, он всегда может рассчитывать на Орландо, который поймет, что что-то не так, раз Лука не появился в Замке. Слава богу, *Nonna* оставалась с ним по ночам, охраняла его, сидя на стуле рядом с кроватью, хотя мальчик считал, что она слишком часто уходит в кафетерий пить кофе.

Больше всего он боялся возвращения ужасной ведьмы. Его руки все еще были в черных и синих пятнах от ее объятий. Доктор Руджеро был отвратителен, с его шелушащейся кожей и банановыми зубами, но ведьма была злой, а ее фиолетовое лицо шипело, когда она сердилась. Может быть, она дьявольский дух, который нужно изгнать? Марио знал бы, что делать; он был алтарным служкой в Сан-Стефано. Лука позвонит ему позже, когда закончатся занятия в школе. А пока найдет крест и будет держать его под матрасом.

Ведьма вошла в палату как раз в тот момент, когда он собирался расспросить о ней мальчика постарше, лежащего на соседней кровати. В панике Лука попытался найти, где бы спрятаться, но деваться было некуда. Он лег и накинул одеяло на голову, молясь, чтобы она его не увидела.

- Ты еще спишь? - произнес ее голос. Он доносился откуда-то сверху и казался не таким жестоким, каким запомнился мальчику. - Я кое-что принесла, - продолжала она, - думаю, тебе понравится. Понимаю, ты злишься. Я бы тоже разозлилась. Но, поверь, я очень сожалею. У меня действительно был плохой день. Как думаешь, сможешь меня простить? Поверь, единственное, чего я сейчас хочу, это чтобы тебе стало лучше и ты поскорее вернулся домой. Ты ведь хочешь вернуться домой, не так ли?

Лука старался не двигаться, даже задерживал дыхание, чтобы одеяло не шевелилось и ведьма решила, что он спит.

- Конечно, ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. - Нина улыбнулась, заметив на постели легкое шевеление. - В «Санта-Кристине» мы сможем использовать такого сильного мальчика, как ты, для помощи другим детям...

- Ты сумасшедшая?! - выпалил он.

- Можно и так сказать, - рассмеялась она. - Я рада, что ты не спишь. Это тебе - книга про лошадей со всего мира, с картинками. Если, конечно, ты интересуешься лошадьми.

Лука высунул нос из своего убежища, чтобы увидеть, о чем она говорит. Ведьма придвинула стул поближе к его кровати и держала в руках большую книгу.

- Здесь много интересного о лошадях толфретано, мареммано и хафлингер. Есть даже раздел, посвященный ковбоям из Лацио. Эй, знаешь, что? - резво переключилась она на другую мысль и даже подалась вперед, чтобы лучше рассмотреть его лицо. - Ты и сам мог бы сойти за одного из этих ковбоев.

Он юркнул обратно под одеяло. Должно быть, это какой-то трюк. Как только он ослабит бдительность, она набросится на него, возможно, даже убьет. Он ни за что не предоставит ей такой возможности.

- Понимаю, ты сейчас хочешь отдохнуть. Это прекрасно. Оставлю книгу у твоей

кровати. Может быть, позже мы посмотрим ее вместе.

«*Никогда!*» – подумал он, изо всех сил стараясь оставаться неподвижным.

На следующий день он нашел у своей кровати пакет с мармеладными мишками. Он поблагодарил бабушку, но та объяснила, что их принесла медсестра. Что она очень сожалеет о случившемся и хочет загладить свою вину перед ним.

– Она ведьма.

– Нет, Лука, она просто потеряла самообладание. Такое случается даже со мной и иногда с *Nonno*.

Лука ей не поверил. Всякий раз, заведя медсестру, он отворачивался. Если она пыталась заговорить – игнорировал ее. Однако на третий день его пребывания в больнице она застала его врасплох, когда он листал книгу о лошадях.

– Как насчет перемирия? – спросила она. Мальчик не ответил. Медсестра продолжила: – Должно же быть что-то, чем я могу загладить свою вину? Что-нибудь. Пожалуйста.

Не отрывая глаз от страницы, он скривил рот, помолчал и наконец указал на лошадь на обложке.

– Вот эта, с толстой длинной шеей, – проговорил он. – Это мареммано.

– Она прекрасна!

Лука тоже так считал.

– И очень сильная. Лучшая пастушья лошадь. *Nonno* обещал, что купит мне такую, когда мне исполнится десять. Когда вырасту, я хочу быть ковбоем.

– Ух, ты! Я и понятия не имела.

Нина говорила неправду. Прежде чем она покинуть больницу в день отвратительного инцидента со взятием крови, она долго беседовала с бабушкой мальчика. Успокоившись, она вспомнила эту женщину и, отчаянно желая извиниться, разыскала Летицию Тавиано. Нина пообещала сделать все возможное, чтобы облегчить пребывание в больнице ей и ее внуку.

– Да, я ее помню, – призналась она дежурной медсестре после того, как получила выговор за несдержанность. – Я была здесь, в больнице, в ту ночь почти десять лет назад, когда привезли тела ее сына и невестки. Они были так искалечены после аварии на шоссе, что их практически невозможно было узнать. Лобовое столкновение с грузовиком, так сказали в полиции. Вся переднюю половину машины расплющило, но каким-то образом малыша, закрепленному сзади в автокресле, удалось выжить.

Она до сих пор видела это в ночных кошмарах. И вместо того, чтобы утешить Летицию, снова оказавшуюся в «Санта-Кристине» с тем самым ребенком, Нина повела себя безобразно. Ей хотелось пнуть себя, гораздо сильнее, чем это сделала старшая медсестра.

– Все, что тебе сейчас нужно, – сказала Нина Луке, – это ковбойская шляпа. Возможно, это то, что я могу для тебя сделать.

Он покачал головой и сказал, что у него уже есть целых три. Затем Лука осторожно поднял глаза от книги. Ведьма сидела, повернув голову вправо. Таким образом он мог видеть только левую сторону ее лица, где кожа была гладкой и выглядела нормально. Он вытянул шею, чтобы разглядеть другую сторону.

– Ты ищешь мою метку красоты? Ха, какое глупое название для пятна портвейна, – рассмеялась она. – *Метка красоты*. Но если хочешь, – продолжала она, ерзая на

стуле и слегка разворачиваясь, – милости прошу. Довольно уродливо, тебе не кажется?

Вчера, да, вероятно, еще и несколько минут назад он сказал бы «Да» и скорчил бы злую гримасу, чтобы причинить ей такую же боль, какую она причинила ему. Но сейчас он вспомнил, как *Nonna* говорила, что медсестра очень сожалеет о случившемся.

– Ну... – Лука замялся и помедлил. – Нет... не совсем. Все не так уж плохо.

– Все нормально, я к этому привыкла. В школе меня дразнили *melanzana*, а еще *faccia brutta* и *rossa*.

– Ух ты! В школе меня тоже называют *rosso* – из-за моих рыжих волос.

– Значит, у нас есть что-то общее. Не знаю, как тебя, а меня больше не беспокоят клочки.

Лука не мог отвести глаз от странного пятна на лице женщины. Единственным известным ему человеком с такой отметиной был молодой рыцарь из серии комиксов, которыми они с друзьями увлекались. Но у Теобальдо это было маленькое, едва заметное пятнышко, совсем не такое, как у медсестры.

– Хочешь потрогать? – спросила Нина. – Она не кусается.

Она придвинулась ближе и положила его руку на свою правую щеку.

– Она теплая, – проговорил Лука, – и подожди... под ней что-то шевелится?

– Это кровеносный сосуд, расположенный близко к коже. Ты чувствуешь, как по нему течет кровь.

– Круто! – Луке не хотелось убирать руку. – Ты когда-нибудь пыталась от нее избавиться?

Она покачала головой.

– Сейчас существует специальный лазер, но он может помочь только в детском возрасте. Когда я была ребенком, его еще не придумали – по крайней мере, в Неаполе.

Внезапно Луке пришла в голову мысль, и он выдал:

– Эй, у меня есть друг, который мог бы помочь.

– Твой друг врач? – поинтересовалась Нина, которая меньше всего сейчас нуждалась в помощи врача.

– О нет, он гораздо лучше врача! Его зовут Орландо.

– Вот как? Чем же занимается этот Орландо? – спросила Нина и внутренне съежилась, увидев его посиневшее предплечье. Она знала, что жестоко обошлась с бедным мальчиком, но никак не ожидала, что синяки будут такими обширными – во всю левую руку. Старшая медсестра была права, заставив ее остаться дома на следующий день. Она была бы права, если бы отстранила ее на неделю. Людей увольняли и за меньшие проступки.

– Он ковбой с особыми способностями, который любит помогать людям. Когда мой друг Марио слетел на велосипеде в ров, никто не знал, где его искать. Он бы застрял там на всю ночь в холод и дождь, если бы Орландо не присматривал за ним.

– Понятно.

- Он сказал мне, где искать, привел меня в то самое место, где свалился Марио. И это было хорошо, потому что Марио сломал ногу и очень страдал. Пришлось отвезти его в больницу и наложить гипс.

- Бедный Марио. Похоже, Орландо - хороший человек. Кстати, я собираюсь в кафетерий выпить кофе. Пойдешь со мной? Возьмем тебе горячий шоколад, если захочешь, и ты расскажешь мне подробно об этом ковбое с особыми способностями.

- Конечно, - согласился Лука, спрыгивая с кровати и следуя за ней.

Нина видела, как Карла и Джулия вполголоса беседуют на сестринском посту. Прошло пять дней с тех пор, как она получила письмо, четыре дня с момента инцидента со взятием крови и три дня после суточного отстранения от работы. Она знала, что женщины говорят о ней, потому что, заметив ее, они тут же замолчали.

- Что? - спросила она Карлу, когда Джулия ушла.

- Плохие новости, - ответила подруга. - К Тавиано вызвали Креспи.

Нина поморщилась. За последние несколько дней она испытала массу эмоций - шок от того, что Маттео внезапно бросил ее, злость из-за того, что он трусливо избегал ее, и ужасающее отчаяние от понимания, что все это время она ждала напрасно, а теперь ее жизнь разрушена. Но в эту минуту она забыла о собственных проблемах, недоумевая, для чего Маттео вызвали к Луке Тавиано. Креспи был онкологом.

- Ты слышала что-нибудь из того, что я говорю? - Карла положила руку на бедро, а другой листала ответы из лаборатории. - Все анализы крови не в порядке. У него высокий уровень лейкоцитов и почти нет тромбоцитов.

Нина была удивлена. Несмотря на субфебрильную температуру, Лука не выглядел очень уж больным. С другой стороны, это объясняло ужасные черные и синие пятна на его руке. Ей подумалось даже, что, возможно, это все-таки не ее вина. Ну, по крайней мере, не совсем. Если у мальчика проблема с тромбоцитами, конечно, у него будут синяки. Знала ли об этом старшая медсестра? А синьора Тавиано?

- Хочешь, я поменяюсь с тобой сменами? - спросила Карла. - Не думаю, что тебе стоит сейчас находиться рядом с этим придурком Креспи.

Видит бог, меньше всего Нине хотелось видеть Маттео и общаться с ним. Но она дала обещание синьоре Тавиано. Она поклялась, что всегда будет рядом и присмотрит за Лукой. И она не собиралась изменять своему слову. Рано или поздно ей все равно придется иметь дело с доктором Креспи.

- Со мной все будет в порядке, спасибо.

- Дай мне знать, если передумаешь, - сказала Карла. - И не забудь о завтрашнем вечере. В восемь у Да-Лючии. Будь сногсшибательна. Друг Джакомо - это находка, помани мое слово.

Нина покачала головой. Они дружили почти двадцать лет, еще со времен учебы в школе медсестер в Турине. Нина училась уже два года, когда по настоянию родителей туда поступила Карла. Ее отец был врачом, а мать - школьной учительницей. Впервые девушки встретились в библиотеке, где Карла сидела вся в слезах. Она считала, что совершила большую ошибку. Помимо того, что ей не давались науки, оказалось, что ее мутит при виде крови. Нина солгала, сказав, что чувствовала то же самое, когда только начинала, и убедила девушку немного потерпеть. Она взяла Карлу под свое крыло, показала ей, как избежать тошноты, зажимая нос и дыша через рот. Вскоре ее новой подруге стало нравиться ухаживать за больными. Когда Карла закончила учебу, Нина помогла ей найти работу в «Санта-Кристине» и приютила в своей квартире. Теперь роли полностью поменялись. Карла вышла замуж, родила троих детей и опекала Нину. Как же это случилось?

- Послушай, я просто не готова встречаться с кем-либо прямо сейчас.

- Извини, столик уже заказан. Ты пойдешь, даже если мне придется тащить тебя, - сказала Карла, погрозила подруге пальцем и ушла, прежде чем та успела возразить.

Нина взяла карту Луки и прочитала последнюю запись. Анализы крови, должно быть, пришли вчера поздно вечером, после того как она вышла из больницы. Карла права: это не просто вирусная инфекция. Она видела запрос на консультацию, но никаких пометок от Маттео пока не было. Нина посмотрела на часы – десять утра.

Пока она настраивалась на встречу с Креспи, послышался его голос – глубокий и сильный, с легкой хрипотцой, напоминающий ей о Клаудио Бальони, римском певце, от которого сходили с ума все школьницы. Маттео стоял в коридоре у лифтов за сестринским постом. Похоже, он разговаривает с семьей пациента.

Закрыв глаза, Нина напрягла слух. Несмотря на все случившееся, она все еще хотела слышать его голос. Он возвращал ее в то время, когда все казалось безоблачным и она была счастлива. Маттео говорил с ней, когда они занимались любовью, шептал ей что-то на ухо. Да, именно так: они занимались любовью, ее глаза закрыты, а за спиной раздавался его голос. Она ничего не могла с собой поделать – несмотря ни на что, она все еще хотела его.

– Сестра! – требовательным тоном позвал Креспи.

Что?!

– Сестра Вочелли, – повторил он.

Тон стал еще резче, потерял теплоту и уже практически стер все, что она чувствовала минуту назад. Нина встала и подошла к Маттео. Он стоял с Летицией и Джованни Тавиано.

– Сестра, я как раз разъяснял синьору и синьоре Тавиано результаты анализов.

Сестра?!

– Доктор Руджеро не ошибся, направив Луку сюда, – продолжал Маттео, сочувственно кивая. – Не исключено, что у него была просто простуда, которая сейчас буквально бродит вокруг. Я и сам немного кашляю... Однако, мне кажется, в организме нашего пациента происходит что-то более серьезное.

Летиция отшатнулась. Если бы не стена, к которой она прислонилась, женщина могла бы рухнуть на пол.

– Не расстраивайтесь так, синьора. – сказал Креспи и успокаивающе положил руку ей на плечо. – Что бы мы ни обнаружили, нас ждет лечение, хорошее лечение, а Лука – сильный, здоровый мальчик. Я уверен, что вместе мы справимся. Вот увидите.

Летиция Тавиано была коренастой, с полными руками и ногами, но вместе с тем пухлое лицо и хлопковое платье в цветочек делали ее мягкой и уязвимой. А ее муж, Джованни Тавиано, выглядел крепким. Долговязый и высокий, с угловатыми чертами и глубокими морщинами на лбу и вокруг глаз. Он стоял молча и неподвижно, как дерево, непоколебимо вросшее в землю.

– С вами все хорошо, синьор Тавиано?

«Правильно, что Маттео спросил», – подумала Нина. Мужчины, с которыми она сталкивалась на протяжении многих лет, иногда могли внешне казаться сильными благодаря суровому виду, но в подобных ситуациях они редко держались стойко и почти всегда менее стойко, чем женщины. Джованни и правда ответил каким-то мычанием.

– С нами все хорошо, – ответила Летиция, приходя в себя. Она взяла мужа под руку. – Пожалуйста, позаботьтесь о нашем Луке. Он все, что у нас есть.

– Обещаю, – сказал Креспи. – Мы еще раз поговорим позже, после анализа костного мозга, и придумаем план.

Когда Тавиано направились к выходу, Нина последовала было за ними. Ей хотелось успокоить Летицию и как можно скорее уйти от Маттео. Но он удержал ее, схватив сзади за халат.

- Нина, подожди.

Она снова услышала за спиной этот голос, низкий и нежный. И обернулась:

- Значит, теперь Нина, а не сестра Вочелли.

- Прости меня, - произнес он и подался к ней.

- Не прикасайся ко мне.

Маттео огляделся, чтобы убедиться, что их никто не видит.

- У меня не было выбора, Нина, - объяснил он. - Я никогда не видел главврача в таком бешенстве. «Вот почему у нас есть правила, - кричал он. - И ты знаешь, что происходит, когда правила нарушаются». Он имел в виду случай, когда Роберто и Франку застучали в любовных объятиях друг друга в ординаторской в тот момент, когда у их пациента случилась остановка сердца.

Нина прекрасно понимала, о чем говорил шеф.

- Он сразу четко определил - если мы немедленно не покончим с этим, у него не будет другого выбора, кроме как уволить тебя.

Уволить меня? В своем послании этот ублюдок представил все иначе. С другой стороны, чему удивляться? Она всего лишь медсестра, женщина в мире, где правят мужчины. Если бы одного из них пришлось уволить, это был бы точно не Маттео.

- Естественно, с шефом я все уладил. Сказал, что это была ошибка, и заверил, что с этого момента наши отношения будут строго профессиональными. Пока мы придерживаемся этой версии и хорошо играем свои роли здесь, в больнице, мы - в безопасности.

- Мы?

- Да, мы. Но не прошло и недели, а я уже схожу с ума. К черту шефа, он не может нас разлучить! - произнес он с мольбой в глазах. - Мы созданы друг для друга. Уверен, ты чувствуешь то же. Через три года, когда Франческа поступит в университет, мы с Марией разведемся. Я обещаю.

- Лжец, - хрипло прошептала она.

В отгороженной зоне в задней части лаборатории крови располагался небольшой письменный стол, на котором стояли старый, простой микроскоп и шкафчик, заполненный предметными стеклами. Прямо над ним висела полка, заставленная учебниками по гематологии. Маттео Креспи положил предметное стекло на полочку микроскопа. Глядя сквозь линзу, он настраивал фокус до тех пор, пока не начали материализовываться клетки крови: красные, синие и всех оттенков этих цветов, всевозможных форм и размеров, различного происхождения и стадий развития. За долгие годы работы он не перестал удивляться этому великолепному пестрому морю костного мозга, постоянно регенерирующему и восполняющему себя в непрерывном, поддерживающем жизнь цикле – красные клетки несут кислород к тканям, белые борются с инфекцией, тромбоциты предупреждают кровопотерю.

Великолепное зрелище. Маттео знал, что в этом бурлящем море он найдет незваного гостя – врага жизни – и ответ на вопрос, почему так затянулась простуда Луки Тавиано, почему не проходят обширные синяки. Каким-то образом несколько дней назад он ускользнул от доктора, но теперь будет обнаружен здесь, на мазке вещества костного мозга.

И действительно – перед его глазами появилась ненормально большая фиолетовая клетка. С бледно-голубым ободком и плотным делящимся ядром, она выглядела великолепно и... смертельно опасно. То был лимфобласт. Образовавшийся в результате мутации в генах, остановивший процесс созревания и продолжающий размножаться, злокачественный клон будет расти и расти, пока не вытеснит нормальные клетки костного мозга и они больше не смогут выполнять свои функции. Тело будет лишено кислорода, окажется бессильно перед бактериями и другими патогенами и неспособно остановить кровотечение, что неизбежно приведет к смерти.

Картина под микроскопом подтвердила предположение Маттео, что у малыша Тавиано лейкопения. Тем не менее открытие не удручило доктора. Прошли времена, когда детская лейкопения была приговором и уносила десятки жизней, сейчас она поддавалась лечению. То, с чем не справлялись в шестидесятые годы, когда он только поступил в медицинский, теперь в основном излечимо. В сущности, в двадцатом веке это был самый впечатляющий прорыв в борьбе с раком, а возможно, и во всей медицине. Да, в Луке Тавиано засела смертельная болезнь, однако Маттео Креспи теперь вооружен средствами, способными ее уничтожить.

Врач вскочил из-за стола и вылетел из лаборатории в эйфории, как спринтер, только что выигравший большую гонку. Вся «Санта-Кристина» болела за Луку. Несправедливо, если семье Тавиано придется пережить еще одну трагедию. Они хорошие люди. Дедушка, похоже, немного странноват, но это вполне объяснимо в сложившихся обстоятельствах. А его жена такая милая! Все время приносит Маттео и медсестрам пирожные и фрукты, иногда по два раза на день. Рыжеволосый, веснушчатый мальчишка, будущий ковбой Фаволы, тоже полюбился доктору. Не то чтобы Маттео не догадывался о маленьких шалостях Луки, о том, как тот приглаживал волосы и постукивал пальцем по носу. Так маленький озорник пародировал его, насмешничал за спиной, давая свои лучшие представления, когда Нина была рядом. Глядя на него, было трудно не улыбаться.

Маттео знал, что будет сражаться за этого ребенка и за его семью. В его арсенале есть все необходимое для этого оружие. Он уничтожит все злокачественные лимфобласты до последнего, станет героем «Санта-Кристины» и вернет любовь Нины.

Было очевидно, что она готова расшибиться в лепешку ради мальчика. Она, вне всякого сомнения, чувствовала себя виноватой после инцидента со взятием крови. Но явно было что-то еще. На днях он почти полчаса наблюдал за ними с сестринского поста: Лука сидел на кровати, подавшись вперед, Нина – на стуле в

нескольких дюймах от него, эти двое были совершенно поглощены друг другом. Лука вертел головой из стороны в сторону, изучая родимое пятно Нины.

- Хочешь потрогать? - спросила она. - Оно не кусается.

Он осторожно протянул руку, затем нежно провел пальцами по фиолетовому пятну на коже.

- Теплое, - заметил он, широко раскрыв глаза от восторга. - Под ним что-то шевелится?

Нина засмеялась и объяснила, что это кровеносный сосуд. Затем они говорили о лошадях, о лучших друзьях Луки - Марио и Франко, о квартире Нины в Ронделло, об аранчини в салумерии синьора Бонинно. Вскоре Лука уже потирал руки и рассказывал историю о том, как Орландо спас Марио жизнь, когда тот упал в глубокий ров, а Нина очень внимательно слушала. Маттео не мог не ревновать к близости, возникшей между ними.

Стряхнув с себя воспоминания, он кивнул медсестрам на посту и взял с полки карту Луки. Он вписал результаты исследования мазка костного мозга и написал подробный план действий, последовательную комбинацию химиотерапевтических препаратов, которые должны были атаковать рак.

Подняв глаза, он увидел, как Нина раздвигает занавески вокруг кровати Луки. Если бы только он мог подойти и обнять ее, извиниться за то опрометчивое письмо, убедить ее в том, как сильно он ее любит! Но сейчас это совершенно недопустимо. Они должны соблюдать осторожность, пока все не уляжется. Только так они могут продолжать работать в «Санта-Кристине» и получить шанс на совместное будущее.

- Сестра Вочелли, - сказал он, стараясь сохранять хладнокровие, - давайте начнем лечение малыша Тавиано как можно скорее.

- Да, доктор, - ответила она, избегая его взгляда.

В субботу Летиция захватила в больницу друзей Луки. Прошло почти четыре недели, а состояние внука оставалось нестабильным. Мальчику предстояла вторая инфузия химиотерапевтических препаратов. Первая прошла не очень удачно; ему нужно было немного взбодриться.

- Я хочу подготовить вас, ребята, - сказала она Марио и Франко, когда они сели в машину. - Лука выглядит совсем не таким, каким вы видели его в последний раз. Он очень похудел. И волосы сильно поредели. Постарайтесь не придавать этому большого значения.

Говоря это, женщина не смогла не отметить, что у двоих мальчишек, сидящих на заднем сиденье, было в избытке того, чего сейчас не хватало ее внуку. Пухлый Марио, вероятно, весил ненамного меньше, чем сама Летиция, а вьющиеся черные волосы Франко доходили ему до плеч. Они оба неуверенно кивнули.

- Я не хотела вас напугать. Он все тот же Лука, с которым вы играли в школе, и он будет очень рад вас увидеть.

Когда они вошли в палату, Летиция просунула голову через занавеску, натянутую вокруг кровати Луки, и объявила, что у нее есть сюрприз. Лука безучастно смотрел на миску с супом минестроне, которую только что поставили на его поднос. Но как только он увидел Марио и Франко, его глаза загорелись.

- Ребята, я спущусь выпить кофе и на некоторое время оставлю вас одних. Обещайте, что, пока меня не будет, не случится никаких неприятностей, - проговорила она, шутливо грозя указательным пальцем.

- Конечно, - заверил Лука, отодвигая суп и жестом приглашая друзей подойти поближе. - Парни, надеюсь вы принесли мне что-нибудь вкусненькое? Я умираю с голоду.

Марио медленно вытащил бумажный пакет, который прятал под рубашкой, и наклонил его в сторону Луки, чтобы тот мог увидеть конфеты, лежащие внутри. Но при этом стоял у занавески как вкопанный. И Франко тоже.

- Чего застыли-то? Тащите его сюда.

Марио в ужасе уставился на голову друга.

- Я не думал, что все настолько плохо.

- Ты про волосы, что ли? - уточнил Лука и постучал по своей голове, на которой остались только редкие пряди.

- Ты был прав, когда говорил нам по телефону, что она дьявол, - прошептал Франко. - Но чтоб настолько...

- Кто?

- Ведьма. Надеюсь, этого варева хватит, - сказал Франко, доставая из кармана небольшой контейнер. - Мы нашли рецепт в библиотеке. Это смесь порошка из сушеных ножек ящерицы и разных специй. Тебе нужно заставить ее это съесть. Тогда она лишится всех своих сил.

- Сестра Вочелли? - спросил Лука. - Нет-нет, я ошибался насчет нее. Мы подружились.

- С ведьмой, которая тебя избила?! С той, у которой пятно на лице дымится и шипит?! Это ведьминское отличие, точняк. Как только такая на тебя посмотрит, твои волосы тут же выпадают. От нее нужно избавиться!

- Расслабьтесь, парни. Говорю же, я ошибся. Она скоро будет здесь, и вы сами все увидите, - заверил Лука. Оба его друга отступили на шаг, готовые в случае необходимости бежать, спасая свои жизни, а он продолжил: - Обещаю, что все будет нормально. А теперь давайте сюда свои конфеты.

Друзья осторожно приблизились к кровати Луки. Марио высыпал содержимое пакета, и каждый схватил то, что больше всего понравилось. Лука спросил об учительнице физкультуры, наклоняется ли она по-прежнему так, что всем видны ее сиськи? И груб ли все еще Бернардо с ребятами на школьном дворе? Какие фильмы показывали в «Национале» в Ронделло? *Nonna* обещала сводить его туда, когда он поправится, и они тоже могли бы приехать. Были ли они в Замке и слышали ли что-нибудь от Орландо? Есть ли у него для них новые задания?

Они болтали, набивая рты конфетами, когда в палату вошла сестра Вочелли. Увидев ее, Марио и Франко спрыгнули с кровати и попятились к занавеске.

- Не волнуйтесь, рагацци, я не кусаюсь, особенно когда меня угощают такими мармеладными мишками, - подмигнула она Луке. - Мне придется украсть вашего друга на некоторое время, чтобы он мог продолжить запланированное лечение. Он не задержится надолго.

Пока медсестра выводила Луку, Франко то и дело кивал в сторону лежавшего на кровати средства против ведьм, пытаясь привлечь его внимание. Теперь, увидев багровую отметину на ее лице, Франко окончательно убедился, что медсестра - зло, даже если она обманула Луку, заставив его ей поверить. Ее нужно было устранить, прежде чем она заставит выпасть все их волосы.

- Они боятся тебя, - улыбнулся Лука, подойдя к инфузионному центру на втором этаже, маленькой комнате с четырьмя креслами и телевизором на стене.

- Лучше бы так оно и было, - отозвалась сестра Вочелли, оскалив зубы. Лука рассмеялся, а она похлопала его по плечу и продолжила: - Но поскольку они твои друзья, обещаю проявить милосердие.

Одна из медсестер жестом указала им на кресло у окна, рядом с которым она уже положила пакет с препаратами для Луки, и приветливо произнесла:

- Присаживайтесь, молодой человек.

Лука отрицательно покачал головой. Он ничего не имел против нее лично - у нее было доброе лицо, и эта пожилая женщина даже немного напоминала ему бабушку, но с тех пор, как мальчик подружился с сестрой Вочелли, он доверял только ей.

- Я позабочусь о нем, - сказала Нина. - Ложитесь и положите руку на боковую панель, синьор Тавиано, - улыбнулась она ребенку, затем закатала ему рукав и наложила тонкий жгут выше локтя. Пощупала кожу на его руке и очень мягко ввела иглу в вену.

- Как ощущения?

- Ничего не почувствовал, - небрежно бросил он, глядя в телевизор на стене. Передавали последние новости с Сицилии. Полиция произвела несколько арестов по делу Фальконе. Все задержанные были связаны с организованной преступностью. Появилась надежда, что глава сицилийской мафии Тото Риина вскоре предстанет перед судом.

- Ты что-нибудь об этом знаешь? - спросила Нина.

Лука почувствовал покалывание под кожей, когда Нина включила капельницу и желтоватая жидкость потекла по трубке в его руку. Не совсем боль, но и не слишком приятные ощущения. Он попытался сосредоточиться на экране, на фотографии неуловимого босса мафии - невысокого коренастого мужчины с

квадратным лицом и глазами-бусинками.

- Страшный дядька, - произнес Лука в ответ на ее вопрос. Нина сразу разделила его мнение и добавила:

- Да, он ужасный человек. Приказал убить двух очень храбрых судей, и я надеюсь, что он заплатит за это. Уверена, что твой друг Орландо согласился бы со мной.

Лука кивнул:

- Орландо всегда наказывает плохих людей. Таких, как Бернардо. Это хулиган в нашей школе, который задирает малышей. Однажды в спортзале, когда он выпендривался перед девчонками, Орландо заставил его споткнуться. Так ему и надо!

- Вот как? - с широкой улыбкой на лице удивился вошедший в комнату доктор Креспи. Его белый халат был тщательно отглажен, волосы зачесаны назад, галстук завязан идеально.

- *Buongiorno*, синьор. Как поживает мой любимый пациент?

Лука показал ему поднятый вверх большой палец.

- Очень рад. Лекарство, которое вы получаете сегодня, самое сильное. Не так ли, сестра Вочелли?

Нина поправила капельницу, делая вид, что не слышит его. Креспи продолжал поглядывать на Нину, но снова заговорил с Лукой:

- Помнишь, что я говорил тебе об этом препарате?

- Да, помню. Оно убивает плохие клетки в моей крови, которые опасны, потому что растут слишком быстро и мешают другим клеткам выполнять свою работу. Вот почему у меня поднялась температура и появились синяки. Но лекарство может убить и хорошие клетки в моем теле, поэтому какое-то время мне будет плохо. Особенно моему желудку.

- Совершенно верно, - восхитился Креспи и даже заплодировал. - Наш пациент очень умен, не правда ли, сестра Вочелли?

Лука почувствовал в воздухе сильный запах лимона. Похоже, он исходил от доктора Креспи.

- Ты пользуешься духами? - поинтересовался мальчик. Аромат напомнил ему о Летиции, так от нее пахло в тот день, когда ходили обедать в ресторан.

- Мужчины не пользуются духами, Лука, они предпочитают одеколон. Носят его, чтобы произвести впечатление на девушек, - ответил доктор и подмигнул. - Я принесу тебе, когда зайду в следующий раз.

Как только Креспи ушел, Нина перестала возиться с капельницей и села рядом с Лукой. Он обратил внимание, что она вздохнула с облегчением, озорно улыбнулся и постучал пальцем по носу, подражая врачу.

- Ты очень смешной, знаешь?

- Доктор Креспи тоже, а он ведь даже не старается.

Нина засмеялась.

- Он прав насчет того, что ты умный парень, - заверила она и похлопала мальчика по спине. - Как ты себя чувствуешь?

- Прекрасно, - ответил он, хотя его уже начало подташнивать. В первый раз во

время процедуры тошнота была такой сильной, что его вырвало. *Nonna* была с ним и испугалась. Она пыталась скрыть свое волнение, но Лука слишком хорошо ее знал. Он терпеть не мог, когда она так расстраивалась, и поклялся, что в следующий раз будет терпеливее.

- Я в порядке, - повторил он. - Скажи бабушке, что сегодня все прошло гораздо лучше.

Май перешел в июнь, а июнь – в июль. Раньше это было любимое время года Маттео Креспи. Он катался на велосипеде по сельской местности, ездил в своем кабриолете, опустив верх, пил кофе в уличном кафе на центральной площади. Сейчас этот период стал временем тяжелых испытаний. До сих пор Маттео плыл по жизни без помех и невзгод. Он был единственным ребенком; его родители, принадлежавшие к высшему слою среднего класса Турина, души в нем не чаяли. Он был красив, атлетически сложен, нравился всем еще со школьных лет, хорошо учился в университете и с отличием окончил медицинский факультет. И пусть «Санта-Кристина» – всего лишь маленькая сельская больница, он здесь заведующий отделением.

Однако со временем удача, похоже, изменила ему. Когда Маттео впервые встретил Марию – красивую задумчивую девушку с глубокими черными глазами, ему захотелось погрузиться в них и никогда не выныривать.

Шли годы, и его жена постепенно превращалась в холодную, эгоцентричную примадонну, которую он едва узнавал. Все ее не устраивало – захолустный городок, в котором они жили, слишком маленький дом, отпуска, которые совмещались с медицинскими конференциями. И сам он тоже никогда не был достаточно хорош.

Маттео не представлял, что влюбится в женщину с «пятном портвейна» на лице. Однако родимое пятно Нины словно заморозило его, и особенно то, как оно меняло цвет в зависимости от ее настроения, пульсировало жизнью, скрывая правую часть ее лица, слегка скошенный нос и полные, округлые губы. Он привык думать о метке как о маске, под которую она позволяла заглядывать только ему, как о своего рода тайне, их тайне. Нина была молодой, веселой и страстной; он делал с ней то, чего никогда не делал со своей женой. Только теперь, когда он без боя уступил требованиям главного врача и поспешил с этим дурацким письмом, Нина, казалось, больше не замечала его, несмотря на все его попытки привлечь ее внимание.

На работе тоже все начинало разваливаться. В прошлом Маттео всегда находил утешение в медицине. Он был увлечен анатомией тела и заболеваниями с тех пор, как отец впервые показал ему рентгеновские снимки легких своих пациентов. То был новый мир, существующий под кожей, о существовании которого Маттео даже не подозревал. На медицинском факультете он еще больше углубился в изучение человеческого организма – на клеточный уровень и еще дальше, к генам, которые отвечали за рост клеток, тканей и органов. К тем самым генам, изменения в которых вызывали рак, способный разрушить все, что они когда-либо создали.

Маттео привлекала не только наука. Будучи социальным существом, владеющим искусством медицины, он был способен объяснить пациентам значение профессиональных терминов простым языком, сочувствовал им, мотивировал и вселял надежду. Вот где он действительно преуспел! Персонал «Санты-Кристины» был убежден, что его подопечные выздоравливают во многом потому, что верят в него.

Тем не менее, просматривая во вторник утром таблицы еженедельных совещаний в онкологическом отделении, Маттео терзался сомнениями: возможно, его время вышло и он исчерпал и свою удачу, и свои способности. Особенно его мучила ситуация с Тавиано – хромосомный случай лейкемии. Как он и обещал бабушке и дедушке мальчика, тот получал прекрасное лечение. Девять из десяти детей излечились – *излечились!* – благодаря хорошо зарекомендовавшему себя коктейлю химиотерапевтических препаратов. Но Лука в их число не входил. После шести недель терапии положительной реакции не последовало.

Маттео читал и перечитывал записи и назначения в карте Луки, перепроверял вес мальчика и дозировку лекарств. Все это выглядело точным. Он вернулся к микроскопу, стоявшему в дальнем углу лаборатории, и стал рассматривать мазки,

гадая, не пропустил ли он чего-нибудь. Но все подтверждалось. Где же он ошибся?

- Я удивлен, - признался Маттео своим коллегам, когда во вторую неделю июля началось совещание по онкологии. - Обычно нам удается достичь хотя бы временной ремиссии. И в случае Тавиано сомнений не появлялось, но рак не сдвинулся с места.

Они сидели в конференц-зале на четвертом этаже за длинным овальным столом, вокруг которого собрались все, кто имел отношение к онкологическому отделению в «Санта-Кристине»: врачи, медсестры, социальные работники и духовенство.

- Есть ли какие-то основания для перехода на другой режим? - спросил Леонардо Франкони, коллега по онкологическому отделению. - Или для варьирования текущей дозировки?

- Именно так я и собираюсь поступить, - ответил Маттео. - Хотя, опираясь на свой опыт, подозреваю, что это ничего не изменит.

Он видел разочарование на лицах коллег, которых еще недавно заверял, что лечение даст результаты. Он сам был раздосадован и высказал опасение, что прогноз все равно будет не очень хорошим. В комнате повисла неловкая тишина. В попытке отвлечься от мрачного доклада Маттео люди смотрели в пол, в потолок, в окно, на старую барочную церковь по соседству, куда угодно.

- Есть еще какие-нибудь соображения? - спросил главврач Джанкарло Романо. - Уже почти восемь, а нам нужно обсудить еще нескольких пациентов. Пойдем дальше?

В дальнем конце комнаты послышался дробный звук: Нина Вочелли постукивала ручкой по деревянной поверхности стола.

- Сестра, какие-то проблемы? - спросил главврач.

Нина выразительно посмотрела на него, ее лицо покраснело, а родимое пятно стало темно-фиолетовым. Было очевидно - она не хочет, чтобы они переходили к другим пациентам, все еще надеется услышать альтернативное мнение и едва сдерживается.

Романо нахмурился, бросив на Креспи взгляд, намекающий, что это его вина и что им придется побеседовать еще раз, как только совещание закончится.

- Кто следующий пациент?

- Подождите! - все-таки выпалила Нина. - Должно же быть что-то еще, что можно попробовать.

Присутствующие замерли. Старшая медсестра протянула руку и крепко сжала ладонь Нины. Никто не имел права прерывать шефа во время обсуждения, тем более медсестра.

Откашлявшись несколько раз, Маттео повернулся к Нине.

- Как я уже сказал, из моего опыта...

- Тогда, может быть, пришло время изучить другой опыт?

У Креспи отвисла челюсть. Нина усомнилась в его компетентности перед всем онкологическим отделением! Как унижительно и обидно слышать это от любимого и, как он полагал, любящего его человека.

- Вы должны помнить Антонио Гости, - продолжала Нина, обращаясь к врачам, сидящим за столом. - Он работал в «Санта-Кристине» несколько лет назад, прежде чем переехать в Институт онкологии в Генуе. Это идеальный кандидат для дополнительной консультации...

- Довольно, сестра Вочелли, - резко оборвал ее Романо, понимая, что Креспи слишком нервничает, чтобы сделать то же самое. - Мы продолжим обсуждение в моем кабинете после совещания.

Маттео чувствовал, как дрожат его руки. Краем глаза он видел, что Нина кипит от злости, не испытывая ни малейшего раскаяния за свое поведение. Возможно, она была права: он не был героем, каким себя вообразил, уж точно не в случае с Лукой Тавиано. Возможно, существуют парни и покруче.

Было около полуночи, когда Нина услышала детское бормотание. В палате было темно и тихо, остальные пациенты крепко спали. На шестой кровати лежал Лука Тавиано. Он что-то шептал, не сводя глаз с окна, словно разговаривал с кем-то или чем-то снаружи – может, с луной или с высоким дубом, чьи изогнутые ветви касались оконного стекла.

Он приходит из далекой страны, преодолевая горы и долины, моря и океаны.

Она стояла в темноте у тележки с лекарствами, прислушиваясь и колеблясь. Если она сейчас пойдет туда, то пути назад уже не будет. Но она ничего не могла с собой поделывать, ее тянуло к мальчику.

– Разве вы не должны спать, синьор? – прошептала она, похлопав его по плечу. Он обернулся и улыбнулся, а она добавила – Я обещала твоей бабушке, что загляну к тебе.

– У *Nonno* опять болит нога, – объяснил ребенок. – Поэтому ей пришлось остаться с ним.

– Тогда хорошо, что я здесь.

Обычно Нина не бывала в больнице так поздно, но сейчас главврач назначил ей наказание. Он был в ярости после ее выходки на совещании неделю назад. Он уже во второй раз менее чем за два месяца вызывал Нину в свой кабинет. Шеф назначил ей месяц ночных смен и предупредил – если она еще раз выкинет что-нибудь подобное, то будет отстранена от своих обязанностей навсегда.

– Ты храбрый человек, Лука Тавиано, – высказала Нина.

Ей нравилось проводить рукой по копне вьющихся рыжих волос. Сегодня придется довольствоваться поглаживанием его голой головы. Кожа была мягкой и гладкой, но местами болезненной. Нина увидела, как он поморщился.

– Я рассказывал тебе о моем друге Орландо, сестра Вочелли?

– Нина, – поправила она. – Теперь, когда мы друзья, ты должен называть меня Ниной.

– Он идет издалека и должен пересечь горы и долины, моря и океаны, чтобы добраться сюда.

– Это прямо настоящее путешествие.

– У него длинная мохнатая борода, в которой он прячет драгоценные камни и золото. Он носит черную ковбойскую шляпу и ездит на большой лошади, самой быстрой лошади в мире, мареммано.

– На твоей любимой, верно?

– Да, верно. Мы встречаемся с ним в Замке перед тем, как стемнеет.

Замок располагался на окраине Фаволы и, как стало известно Нине от Луки и его бабушки, представлял собой остатки древней стены времен Римской империи. Теперь она походила на неровные ряды осыпающихся, размытых дождями каменных блоков. Очевидно, у мальчика было живое воображение.

– Орландо дает мне и моим друзьям знать, когда кто-то в беде и нуждается в нашей помощи. Синьора Перелли, например. У нее собирались забрать корову, потому что она не могла заплатить долг.

– Вот даже как?

- Странная она, эта синьора Перелли, вечно что-то бормочет себе под нос и сплевывает на землю. Но нам было жаль ее, потому что она бедная. Поэтому ночью, накануне того дня, когда пришли бы забрать корову, мы выгнали это животное из сарая и спрятали за домом доктора Руджеро, где никто никогда не стал бы искать.

- Отличная мысль.

- Через несколько дней после того, как мы вернули корову обратно, синьора Перелли нашла под дверным ковриком достаточно денег, чтобы вернуть долг. *Нолла* думает, что это подарок от кого-то из соседей. Но я в это не верю.

- Почему нет?

- За этим стоял Орландо, я уверен. Я же рассказывал тебе, как он богат.

- Да, рассказывал.

- Когда меня отпустят домой, ты приедешь навестить меня, и сходим к Замку.

- Мне бы этого хотелось.

- Я ведь скоро смогу вернуться домой, правда? - спросил Лука, слегка поерзав.

- Скоро, - ответила она и прикусила нижнюю губу. *Если бы только это было правдой.*

Она вспомнила тот день, когда Луку привезли в «Санта-Крестину», и то, как она вышла тогда из себя.

- Господи, Нина, что, черт возьми, ты имеешь против этого бедного ребенка? - пыталась она потом старшая медсестра.

Неделю спустя Карла заметила маленькие подарки, которые Нина каждое утро приносит Луке, и спросила, помогают ли они ей справиться с угрызениями совести. Поначалу ею и правда двигало только чувство вины. Но сейчас все изменилось. Она полюбила Луку за непокорность и пылкость - качества, которые она пыталась подавить в тот первый день и которые продолжали нервировать персонал. Он заставлял женщину смеяться, когда изображал, как Маттео поправляет свои волосы, дабы убедиться, что выглядит идеально.

Постепенно между ними образовалась связь, о которой она много думала, но не могла до конца объяснить. У мальчика, как и у нее, не было родителей. И точно так же, как она, он был *grosso*: отличался от других своими рыжими волосами, как она - своим «пятном портвейна». Оба были объектом насмешек. Предательство Маттео, должно быть, тоже сыграло свою роль. Внезапно она осталась одна, в море бурлящих эмоций, в коих больше не было смысла. Они безостановочно кружились подле нее, пока не наткнулись на Луку и не облюбовали место у его кровати в дальнем конце палаты.

Сила чувств к этому мальчику, которого она знала всего два месяца, пугала Нину. Ничего похожего она раньше не испытывала ни к другим пациентам, ни к лучшей подруге Карле, ни даже еще в детском возрасте к своей матери. Это почти как влюбиться, но и такое объяснение было бы неверным. Разумеется, здесь не было физического влечения. Только странное желание действовать от его имени, почти неосознаваемое яростное стремление сделать для него все, даже пожертвовать собой, если понадобится. Разве не это лежит в основе любви?

- Постарайся уснуть, - прошептала она, накрывая Луку одеялом. - Тебе понадобятся силы.

- Ладно, - согласился он. - Ты ведь не волнуешься за меня, правда?

- Конечно же нет. Как можно волноваться за такого храброго ковбоя, да еще с

таким другом, как Орландо?! Ни в малейшей степени.

Нина смотрела, как он закрывает глаза, и ждала, прислушиваясь к его дыханию, чтобы убедиться, что он заснул. В действительности она очень волновалась. Вид невинно-невозмутимого, ничего не подозревающего Луки убивал ее.

На следующее утро, вопреки приказу главврача, Нина проявила инициативу и связалась с онкологом в Генуе. Доктор Тости, выслушав подробности истории болезни Луки, согласился, что прогноз действительно мрачный. Это агрессивная лейкемия, которая не поддается стандартной химиотерапии, и она наверняка станет смертельной, если быстро не найти альтернативного лечения. Институт онкологии был крупным академическим исследовательским центром, постоянно разрабатывавшим новые протоколы и экспериментальные методы лечения. И там имелись возможности, недоступные в «Санта-Кристине».

- Пусть доктор Креспи пришлет карту пациента и образец крови, - предложил Тости. - И мы посмотрим, что можно сделать.

Нина согласилась и поблагодарила его, понимая, что нельзя терять времени, пытаясь убедить Маттео действовать. Ей придется сделать все самой и тайно. Она незаметно скопирует карту Луки, украдкой возьмет у него кровь, а потом сама отвезет все в Геную. И к черту последствия!

За многие километры от высокого дуба, растущего у больницы Луки Тавиано, за горами и долинами, морями и океанами, раввин Иосиф Нейман и его жена Сара вошли в актовый зал «Поли Преп» в Бруклине, штат Нью-Йорк. Несмотря на большое расстояние, жизнь по ту сторону Атлантики все же не сильно отличалась. Потому что в Америке, как и в Италии, тоже болели дети, и, подобно итальянцам, американцы вели войну против мафии. Кстати, 23 июня их собственный *saro di tutti capi*, Джон Готти, был, наконец, приговорен к пожизненному заключению. Но столь значимая победа справедливости не особо занимала мысли родителей, стремящихся в тот вечер в аудиторию. Они хотели посмотреть на выступление своих детей.

Супругам удалось найти свободные места в третьем ряду. Сара села прямо, скрестив руки на коленях, не выказывая особого желания вступать в разговор с другими родителями. Она никогда не чувствовала себя комфортно в частной, считавшейся внеконфессиональной, школе в районе Бей-Ридж.

- Это не зрительный зал, Иосиф, - ворчала она всякий раз, когда они посещали школьные мероприятия, - это часовня со скамьями и органом, где поют гимны и молятся Иисусу Христу.

Решение Иосифа отдать сына в «Поли» стало источником разногласий между супругами. Сара хотела остаться в религиозной общине Флэтбуша, где выросла и познакомилась со своим мужем. Она хотела, чтобы Самуил продолжал учиться в иешиве, той самой, в которой учились они, где все были похожи на них. Ребе Иосиф, напротив, с годами пересмотрел некоторые свои взгляды. Он был убежден, что значительная часть проблем в мире проистекает из племенного менталитета «мы-против-них», который противопоставляет одну группу людей другой - иудеев христианам, израильтян арабам, белых черным - и становится причиной бесчисленных других разногласий. Ортодоксальная еврейская община была особенно замкнутой, и раввин медленно, но верно отходил от ее жестких, вызывающих клаустрофобию правил, при этом не теряя своей приверженности Торе. Еще будучи в школе раввинов, он попытался следовать по наименее консервативному пути. Позже нашел работу в смешанной общине Бей-Риджа, участвовал в межконфессиональных службах: с отцом Лаззаро в церкви, расположенной через дорогу, и имамом Хусейном в мечети двумя кварталами ниже. И в конечном итоге отправил своего сына в светскую школу.

- Нуссбаумы опаздывают, - отметила Сара, вытягивая шею в поисках единственной еврейской семьи в классе Самуила.

Сара согласилась на «Поли Преп» только потому, что она было недалеко от их нового дома, и потому, что Самуил не преуспевал в иешиве. Он пренебрегал домашними заданиями, нарушал порядок в классе и приобрел репутацию возмутителя спокойствия.

- Я больше не хочу ходить в иудейскую школу, - заявил он родителям после наказания за драку с одноклассником. - Я бы предпочел учиться в Бей-Ридже со своими новыми друзьями.

Так же, как и Сара, Иосиф был расстроен, услышав такие слова, но тем не менее убедил жену, что перевод по крайней мере даст Самуилу шанс начать все сначала, с чистого листа.

- Нам лучше занять для них места, - предложила Сара.

Но было уже слишком поздно. Хорошо одетая пара села рядом с Иосифом, прежде чем он успел открыть рот. Женщина сильно пахла духами, ее руки были унизаны браслетами. Сара ущипнула мужа за бок.

К сожалению, поступление в «Поли» ничего не изменило в поведении Самуила.

Всего через несколько недель ребѣ Иосифа вызвали в кабинет директора.

– Самуил рассказал вам, что случилось? – спросил директор. Иосиф покачал головой и напрягся. – Мы считаем, что ваш сын украл деньги из благотворительной кассы в приемной. Он последним выходил из комнаты непосредственно перед тем, как деньги пропали. Конечно же никто не видел, как он их брал. Однако мы не можем допустить подобное в «Поли»... Если что-то похожее повторится, Самуил будет отчислен.

От запаха духов сидевшей рядом женщины Иосифа затошнило. Те же ощущения он испытывал, когда выходил из кабинета директора, подавленный и сбитый с толку. Возможно, он ошибался; возможно, расширение кругозора Самуила только подпитывало его мятежный дух. Как же с ним справиться? Он знал, что сделал бы его отец в подобной ситуации. Просто жестоко избил бы и надолго запер. Но времена изменились, и Самуил прекрасно это понимал.

– Я могу делать все, что захочу! – кричал он Иосифу.

Боже упаси, чтобы Иосиф когда-нибудь посмел сказать такое своему отцу.

Пока он терзался невеселыми мыслями, учитель театрального кружка вышел на сцену. Он взмахнул рукой, и светильники в зале погасли один за другим. Когда поднялся занавес, Иосиф краем глаза заметил, что Сара наконец расслабилась. Он сжал ее руку. Сейчас, здесь, в полумраке и тишине, ничто не имело значения, кроме их сына, играющего в школьной пьесе. Не было никакой необходимости беспокоиться о том, что он попадет в беду и разочарует их. Они для разнообразия могли просто наблюдать, как он блистает.

Первой появилась Эмили Нуссбаум в голубом платье с накрахмаленной белой рубашкой под ним. Ее вьющиеся каштановые волосы были стянуты сзади лентой.

– Как мило! – прошептала Сара Иосифу.

Они оба любили Эмили, и не только потому, что дружили с ее родителями и вместе молились в одной синагоге. Не по годам рассудительная двенадцатилетняя девочка отличалась скромностью и трудолюбием. По непостижимым причинам она подружилась с Самуилом, который был полной противоположностью и практически ни к чему не относился серьезно. Родители надеялись, что дети останутся близкими друзьями и пример Эмили в конечном итоге поможет направить их сына на правильный путь.

– Тебе не кажется, что девочка немного побледнела? – спросила Сара. – Ее мать говорила, что в последнее время она плохо себя чувствует.

Иосиф прищурился, чтобы лучше разглядеть сцену. Лицо Эмили покрывал толстый слой белой пудры. Возможно, поэтому Саре показалось, что она бледна. Раввин отрицательно покачал головой.

В этот момент показался Самуил. Родители были удивлены тем, как аккуратно и элегантно он выглядит. Сын даже надел красный галстук-бабочку и разделил волосы пробором. Теперь настала очередь Сары сжать руку Иосифа.

– Такой красивый! – прошептала она. – Совсем как его отец.

Иосиф вздернул брови: «Совсем как его отец?!» Он был не слишком уверен в своей привлекательности. И все же Сара права: внешне они похожи. Самуил был таким же высоким, почти шести футов ростом, с такими же большими карими глазами на круглом детском лице. Для полного сходства с отцом не хватало только торчащей густой бороды. И у него была та же неторопливая походка, чуть вразвалочку.

– Лучше бы он походил на тебя, – прошептал в ответ Иосиф.

– Тише! – возмутилась сидевшая слева женщина. Она обернулась и строго

посмотрела на него, звякнув браслетами на запястьях. Иосиф виновато поднял руки.

Если от отца Самуил унаследовал внешность, то энергичность и уверенность достались ему от матери. Во время выступления он не выказывал ни малейшего страха. В этом была вся Сара, которая, несмотря на изящность, обладала властным характером и успешно проявляла его независимо от того, возглавляла ли она местное отделение «Бней-Брит» или твердой рукой управляла своим домом. «Мой маленький генерал» – называл ее муж. Сам он всегда отличался скромностью и сдержанностью и никогда бы не вызвался участвовать в школьном спектакле.

Иосиф был счастлив, что Самуил пробовал себя на сцене и строго следовал графику репетиций. Возможно, театр – то место, где раскроется его талант. Может быть, это придаст ему уверенности и сын станет лучше учиться. Он хотел поделиться своими мыслями с Сарой, но боялся рассердить женщину слева.

В пьесе Самуил играл Джорджа, а Эмили – Эмили. Ребе наблюдал, как Джордж и Эмили вместе ходят в школу, становятся друзьями, а потом влюбляются. Если бы только это случилось в реальной жизни!

- Что-то не так, – прошептала Сара ему на ухо. – Она сама не своя.

- Кто? – спросил он как можно тише.

- Эмили. Неужели ты не видишь?

Иосиф нарисовал в своей голове такую красивую картину – Эмили Нуссбаум сочетается браком с его сыном. И ему не хотелось портить ее, замечая какие-то неприятности. Но после слов жены ему показалось странным то, как голова девочки наклонена вбок.

- Она даже вспотела!

Иосиф подался вперед. По лбу Эмили стекали капельки, размазывая макияж. На ее щеках появились черные полосы, а глаза смотрели ошеломленно. Если он заметил это с третьего ряда, разве актеры на сцене не должны были увидеть то же? И все же они продолжали играть как ни в чем не бывало. Он повернулся налево, чтобы посмотреть на реакцию сердитой женщины с лязгающими браслетами.

И тут Сара громко ахнула. Она уже стояла, указывая рукой на сцену. В зале зажегся свет. Остальные зрители тоже вскочили с мест и растерянно наблюдали за суматохой. Слышались вздохи и крики. Кто-то позвал врача. Все это время Эмили лежала неподвижно. Самуил опустился рядом на колени и поддерживал ее голову.

Месяц спустя в синагоге в Бей-Ридже раввин Иосиф Нейман стоял перед своей паствой. Закрыв глаза, он слушал пение кантора, а волна жара поднималась от основания шеи к его лицу. Он попытался стряхнуть ее и вернуться к прекрасной мелодии. Сегодняшняя утренняя часть Торы была посвящена странствиям еврейского народа в пустыне, великому обетованию в конце их путешествия. Однако жара продолжала отвлекать его. В какой-то момент он открыл глаза и внимательно осмотрел все вокруг.

Синагога была практически пуста, около двадцати верующих сидели на первых скамьях. Ковры выцвели и местами порвались, краска на стенах облупилась, когда-то красивое витражное окно было заколочено. Иосиф попытался уловить звук стареющего кондиционера, но не услышал знакомого дребезжания. Вот потому и так жарко.

Больше всего его потряс вид Зеэва Саферштейна, который сидел в первом ряду и сосредоточенно молился, покачивая головой и покусывая большой палец. Это рассердило Иосифа. Момент спокойствия, даже ликования, который принес с собой отрывок из Книги Левит, был стерт, мрак и сомнения снова нахлынули на него. Не то чтобы в прошлом у него их не было совсем, но в последнее время они стали слишком острыми и угнетающими. Как можно продолжать верить в сотворенный Богом мир, если он так глубоко порочен? Ему было трудно найти приемлемые ответы. Казалось, божественный свет тускнеет у него дома, за пределами дома и в остальных домах.

Он потянулся назад, чтобы поправить таллит. Льняная ткань легко двигалась под его пальцами и в то же время давила на его плечи.

Совсем недавно Самуил снова попал в переделку: на этот раз он был обвинен в краже денег из школьной шкатулки для цдаки. Как мог мальчик, готовящийся к своей бар-мицве, совершить такое?

- Почему, Самуил? - спросил его Иосиф после встречи с директором.

- Я этого не делал! - поклялся сын.

Как мог отец поверить ему после массы подобных случаев?!

- А что насчет драки?

Самуил только пожал плечами. У него никогда не было объяснений, а если бы и были, то он не пожелал бы делиться ими с родителями.

Иосиф не стал рассказывать Саре об этом инциденте. Он боялся ее реакции, боялся обвинений, что зря забрал сына из иешивы, что вырастил такого мальчика, который постоянно разочаровывает. Но вместе с тем держать ее в неведении было неправильно.

А еще бедная дочь Нуссбаумов, оказавшая в больнице после того, как потеряла сознание на сцене. Двенадцатилетний ребенок с такими перспективами! И вот теперь ее жизнь висит на волоске.

Кантор продолжал петь благословения, моля Бога даровать мудрость, простить грехи, помочь тем, кто живет в изгнании...

Так много ужасных событий давило на сознание ребе. На прошлой неделе парадные двери синагоги были измараны свастикой. За два месяца до этого произошел взрыв в израильском посольстве в Аргентине, в результате которого от рук террористов погибли почти тридцать ни в чем не повинных людей. На горизонте маячила угроза еще большей ненависти и экстремизма. Как такое возможно после всего, что произошло в этом проклятом столетии?! Неужели

страданиям не будет конца?!

Пока раввин стоял на помосте, качая головой, кантор и небольшая группа прихожан вместе просили Бога исцелить больных, восстановить Иерусалим, помиловать...

Даже здесь, среди них, таилось зло: благочестивый Зеэв Саферштейн тряс головой и грыз большой палец. Синагога с трудом выживала, несмотря на недавний приток эмигрантов. Их было много, но они почти ничего не жертвовали, а если и давали, то ничтожно мало. Поэтому, чтобы удержаться на плаву и восстановить разрушающуюся синагогу, приходилось рассчитывать только на состоятельного Саферштейна, владельца сети успешных продуктовых магазинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

1

Бабушка (*итал.*).

2

Блюдо сицилийской кухни. Обжаренные или в некоторых случаях запечённые шарики из риса диаметром 8—10 см, обычно начиненные мясом.

3

Баклажан (*итал.*).

4

Метка дявола (*итал.*).

5

Земляника (*итал.*).

6

Буквально «полая кость». Традиционное блюдо кухни Ломбардии, представляющее собой тушеную телячью голяшку.

7

Грубое лицо (*итал.*).

8

Красная (*итал.*).

9

Доброе утро (*итал.*).

10

Школа, основанная в 1854 году.

11

Босс всех боссов (*итал.*).

12

Иешíва, ешíва (в русской традиции - ешибот) - название института, являющегося высшим религиозным учебным заведением, предназначенным для изучения Талмуда.

13

Одна из наиболее известных и старейших еврейских общественных организаций.
Имеет отделения в 40 странах.

14

Благотворительность (*иврит*).

15

Термин, применяющийся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком (бар-мицва) или девочкой (бат-мицва) религиозного совершеннолетия.